

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Логунова

Кактус
Нострадамуса

Елена Ивановна Логунова Кактус Нострадамуса

Серия «Индия Кузнецова», книга 13

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6130191

Логунова Е. И. Кактус Нострадамуса : роман : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-66577-8

Аннотация

Опять Индии приходится вытаскивать из беды своего любвеобильного брата, дизайнера Казимира Кузнецова. Оформляя торжество в честь десятилетия семейной жизни банкира Горохова, он умудрился весьма близко подружиться с его женой Лизонькой. Прямо во время праздника ветренная супруга пригласила Казимира уединиться возле бассейна. Он немного замешкался, а вскоре Лизоньку обнаружили в воде без признаков жизни! Казимир, конечно, моментально покинул особняк, но позже выяснилось, что усопшая имела дурную привычку записывать все свои планы в дневник, а планировала она страстную встречу с дизайнером Кузнецовым. Конечно, для обвинения в убийстве этого маловато, но, как на грех, у Казимира случайно остался в кармане золотой мобильник банкирши...

Содержание

Суббота	4
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Елена Логунова

Кактус Нострадамуса

Суббота

Контора носила гордое и загадочное имя «Принц Пресс».

Роза подумала, что такое название не помешало бы сопроводить иллюстрацией для тех, кто не знает, что это издательство. Запросто ведь можно подумать, что «Принц Пресс» – это пыточная камера для августейших особ!

Воображая зажатую в гигантских тисках фигурку в камзоле с кружевами и штанишках с гульфиком, она склонила голову к плечу, и с ее мокрых волос на линолеум звучно капнуло.

– Еж мое ж! – своеобразно выругалась Роза и торопливо вытерла волосы дизайнерским войлочным шарфом, превратившимся в безобразную тряпку.

Второго марта стояла теплынь, а в ночь на третье выпал снег, и теперь модное Розино обмундирование разительно не соответствовало погоде. Ноги в бархатных балетках промокли насквозь, бежевые лосины ниже колен стали цвета сырого песка, и в целом выдержанная в благородных серо-коричневых тонах фигура Розы неприятно напоминала раскисшего пряничного человечка.

При одном взгляде на отсыревшую Розу понимающим людям открывалась позорная альтернатива: либо барышня дурочка из тех, которые летом носят угли на меху, а зимой – пластмассовую каску на босу голову, либо безнравственная девица, которая не ночевала дома.

Правдой было второе, отчего Розины страдания от холода дополнялись муками совести.

– Девушка в твоём непростом положении должна особенно заботиться о своей репутации! – часто внушала ей мама, к счастью оставшаяся на родине.

Розино непростое положение заключалось в сочетании ряда факторов, изрядно осложняющих ее продвижение по карьерной лестнице.

Во-первых, имя: Роза Салаватовна Курдынбабаева! Никакой иллюстрации не надо, чтобы понять, что ее родословное древо уходит корнями в казахские степи.

Отчество свое Роза при знакомствах опускала, родительскую фамилию страстно мечтала поскорее сменить на мужнину, но даже имя ее постоянно вызывало вопросы. Вернее, один вопрос: а как будет полностью? Почему-то мало кто верил, что Роза – это и есть полное имя, и она наловчилась придумывать варианты. Некоторые были очень даже ничего, тем не менее девушке по имени Роза Курдынбабаева в столице казахского края жилось непросто. Сакраментальное «Понаехали тут!» она слышала нередко.

Трагическая правда – и это был фактор номер два – за-

ключалась в том, что Роза действительно «понаехала», хотя и вовсе не с Востока, наоборот, с Запада – из Киева.

По маминой линии она была украинкой и унаследовала от родительницы цвет волос и глаз. Однако казахский папа тоже внес свой весомый вклад, так что дочь у них с хохлушкой-мамой получилась незабываемой красоты: русоволосая, скуластая, с оливковой кожей, прямыми черными шнурочками бровей и голубыми раскосыми глазами. Узнав, что она коренная киевлянка, однокурсники в институте культуры хохотали, как сумасшедшие, и наконец-то закрыли затяжной спор о том, было ли в Киевской Руси монголо-татарское иго.

Третий фактор был самым серьезным: Роза имела украинское гражданство, и после окончания института должна была покинуть Россию, но до сих пор не покинула.

Вообще-то красивой голубоглазой девушке с безупречным русским языком не так уж сложно оказалось жить на нелегальном положении, однако Розу угнетало состояние практически бесправного работника. Зарплату ей выдавали нерегулярно и в конвертике, соцпакетом вообще не обеспечивали, а нагружали будь здоров. К примеру, кого еще Бориска-Барбариска экстренным командирским звонком выдернул бы из постели в выходной день?

Тут Роза вспомнила, что Барбариска пообещал ей за сверхурочную работу премию, и решительно потянула на себя дверь с табличкой «Принц Пресс».

Августейшая дверь оказала сопротивление.

Роза рванула сильнее.

Дверь негодуяще затряслась.

– Толкайте! – донеслось изнутри.

– Еж мое ж! – повторила Роза, сожалея, что теперь на нее будут смотреть как на идиотку.

Как на глупую мокрую курицу!

Она была самолюбивой девушкой со стойким славянским характером и амбициями Чингисхана.

Мысленно гикнув, Роза Курдынбабаева толкнула дверь и ворвалась в просторное помещение со множеством столов, из которых занят был только один.

За ним в окружении бумажных россыпей восседала немолодая особа, неуловимо похожая на кактус. Она вся состояла из разновеликих шаров и шариков, наклепленных один на другой не вертикально, как у снежной бабы, а в хаотичном порядке. Круглые плечи, кулачки, грудки, щечки, ушки, гулька на макушке, шишковатый нос, очки-колесики... И все это было блекло-серым, местами даже с зеленцой, а недобрые глаза царапнули гостью как иголки.

– Добрый день! – мужественно сказала Роза, одернув свой кургузый пиджачок.

– Здравствуйте. Вы от Бориса? – сухо откликнулась тетка, похожая на кактус.

Судя по тону, она не разделяла восторга, который самолюбленный Барбариска испытывал по отношению к самому себе.

Роза приободрилась. Она и сама считала, что парню негоже культивировать внешность куклы Барби, даже если парень он только в том смысле, что гей и постоянно вращается в артистических кругах.

Собственно, именно Роза окрестила пресс-директора концертного зала Борю Тронина Барбариской, и кличка закрепилась не хуже, чем нарощенные ресницы.

– От Тронина, да, – подтвердила Роза, нагло шлепая к столу дамы-кактуса.

За ней потянулась предательская цепочка мокрых следов.

– Я Роза, – представилась она, без приглашения опускаясь на стул.

– Лидия Александровна, – неохотно представилась тетя-кактус и не удержалась от вопроса: – Роза, а как полностью?

– Розалита, – не задумываясь, выдала девица Курдынбаева бразильский вариант – просто потому, что он хорошо сочетался с теткиными кактусами.

– Вот, Розалита, держите.

Роза взяла протянутую ей тетрадь:

– А что это?

– Вы не знаете? – Тетя-кактус неприязненно посмотрела на нее поверх очков. – Странно. Борис сказал мне, что придет специалиста со знанием китайского.

Роза покраснела.

Знание китайского – это была легенда, призванная увели-

читать ее потенциальную ценность в глазах работодателя.

Концертный зал «Казак-холл» принимал на гастроли популярных исполнителей и коллективы со всего света. Заполняя анкету, Роза указала, что в совершенстве знает русский и украинский языки, уверенно владеет английским, понимает казахский и читает по-китайски. При этом ее единственный опыт разбора китайских иероглифов сводился к переводу аутентичного кулинарного рецепта, выполненного с помощью соответствующей программы в Интернете в прошлом году. Так она научилась готовить неплохую утку по-пекински, которой, кстати, угощала коллег на свой день рождения в сентябре. А Барбариска, стало быть, решил, что она действительно спец по китайскому!

– Конечно, я специалист, – подтвердила она, чтобы не терять лицо, и открыла тетрадку. – Ну-ка...

Написано, слава богу, было по-русски! Роза обрадовалась и с выражением прочитала вслух:

– Хидрый большой серый волк придуривал в чучело у ретизов и хотел поймать милых зайцов! Ряд милых зайцов тянули с мамой и не ожидались с волком. Мама боротилась за защиту детей. После поймки маленький заяц волку пел, танцевал, играл гитар. Волк забыл первоначальную задачу, мама и ребята били волка, он головокружил и был вязан веревкой.

Тут она определенно почувствовала, что тоже начинает головокружить и повторила:

– Что это?!

– Это либретто детского танца «Туциянмэй» в исполнении маленьких звезд Гуандунского маоминского тренировочного лагеря имени Мэйуцзяини, – без запинки выговорила тетя-кактус, и Роза почувствовала к ней великое уважение. – «Артисты исполняют точно и прекрасно, стиль танца радостный и юморческий», во всяком случае, так написано в буклете.

– Юморческий – это да, – согласилась Роза, листая тетрадь.

Маленькие звезды Гуандунского маоминского тренировочного лагеря имени Мэйуцзяини явно трудились не покладая ног: толстая общая тетрадь была почти вся заполнена душевным описанием их интересных и загадочных танцев.

– А почему написано от руки?

– Полагаю, у переводчика в Китае не было на клавиатуре русских букв, – пожалала плечами тетя-кактус. – Вот, возьмите оригинальный буклет на китайском.

– Спасибо, – Роза кисло улыбнулась.

Как она справится с переводом, если текст не в электронном виде, а на бумаге?!

– Отредактированную версию ждем от вас к концу недели, иначе мы не успеем напечатать либретто до начала гастрольного тура, – тетя-кактус уткнулась в свои бумаги и потеряла к Розе всякий интерес.

– Отлично, договорились, – держа удар, сказала Роза и пошлепала на выход.

В лифте по дороге вниз она несколько раз хлопнула себя китайским буклетом по лбу, потом сжала зубы и процедила сквозь них:

– Ничего, ничего, я как-нибудь справлюсь.

Сдаваться Роза не собиралась – к тому не было никаких генетических предпосылок. Ни азиатские, ни европейские предки ее в малодушии замечены не были.

Лев Антонович Батюшкин вышагивал по мраморному полу холла с величавой важностью, подобающей властителю дум и вершителю судеб. Резная трость отбивала ритм как часы. Ход времени был синхронизирован с шагами Льва Антоновича, поименованного в материалах рекламной кампании в поддержку его новой книги Новым (или вторым) Нострадамусом.

Многие утверждали, что первый Нострадамус был даровитее Батюшкина, но поклонников у таланта Льва Антоновича тоже было немало, особенно после удачного предсказания о падении метеорита в Челябинске. Издательство еще не напечатало, но уже активно рекламировало новую книгу Нострадамуса-Батюшкина и обещало, что тиражи, как и доходы, будут завидными.

Свежим мартовским днем Лев Антонович шел сдавать рукопись, от души наслаждаясь сим историческим моментом.

Несмотря на то что день был субботний, в холле офисного здания находилось немало людей. Большинство из них при-

шли по своим делам в «Бетабанк», расположенный на нижнем этаже. Человек десять толпились в очереди к банкомату, другие ожидали вызова к окошкам на банкетках вдоль стен. За конторками копошились банковские служащие, в стеклянном аквариуме скучал одинокий охранник. Движение к лифтам и от них было вялым: в субботу большинство контор на верхних этажах не работало.

Трое на банкетке под фикусом ничем не выделялись на местности до того момента, пока в холл не вошел величественный и важный Лев Антонович Батюшкин. В отличие от видного Льва Антоновича, эти трое были серыми и неприметными, однако разноцветные балаклавы на головах изменили ситуацию полностью. Балаклавы они напялили синхронно, как будто долго репетировали.

– Что за? – привставая, удивленно выдохнул охранник.

Трое в балаклавах выглядели нестрашно и походили на гномов. Вязаные колпаки с неровными дырками для глаз имели ослепительные люминесцентные цвета: лимонно-желтый, ядовито-зеленый и ярко-оранжевый. Ниже виднелись сутулые плечи, пухлые тела и тонкие ножки – все в дешевой одежде с китайского вещевого рынка, не впечатляющее ни формами, ни их упаковкой.

– Щас споют! – предположил охранник.

И ошибся, потому что трое в балаклавах сорвались с места и пустились в пляс, образовав подобие хоровода вокруг неприятно удивленного Льва Антоновича, ожидающего

лифт.

Подъемник в башне был только один, зато скоростной, долго ждать его не приходилось. Не успели веселые гномики завести хоровод, как двери лифта разъехались, и из причалившей кабинки вырвалась на оперативный простор мокрая, расстроенная и злая Роза Курдынбабаева с тетрадь в руке.

Лев Антонович, встревоженный бесовскими плясками трио в балаклавах, поспешил укрыться в лифте, но целеустремленная Роза не посторонилась, и они столкнулись в дверях.

И тут внезапно отрубилось электричество, и в холле стало темно, как в погребе.

Сразу стало понятно, как оплошало руководство финансового учреждения, одоббив смелую идею службы продвижения сплошь закрыть окна первого этажа щитами с рекламой банковских услуг.

Розу, которая присела, чтобы поднять упавшую тетрадь, полное затмение застало на корточках. Эта шаткая позиция превратилась в откровенно неприличную коленно-локтевую позу после первого же энергичного пинка, отвешенного ни в чем, кроме неуважения к старости, не повинной девушке неведомо и невидимо кем. Скорее всего, шустрыми гномами в балаклавах, потому что поблизости от Розы находились только они и Батюшкин. А уважаемый Лев Антонович никого пинать не мог, потому что после прямого попадания в него бегущей девушки тоже вынужденно принял позицию

«упор присев» и зашарил по полу в поисках своей собственной упавшей рукописи.

В темноте преимущество было на стороне резвой молодости. Роза первой схватила заветную тетрадку, поднялась, кого-то при этом толкнув, и замерла, не зная, куда бежать.

В этот момент открылась дверь, и на фоне пасмурного весеннего дня нарисовалась величественная черная фигура. Ее испуганная Роза в первый момент приняла за повелителя зла Дарта Вейдера, потому что на месте морды лица у фигуры имелся ребристый металлический выступ, а из кулака выростала длинная серебристая палка наподобие светового меча пониженной мощности и повышенной протяженности.

– Спокойно, граждане, у нас тут маленькая авария, сейчас все починим, – хладнокровно пообещал Дарт Вейдер, и Роза с облегчением опознала в нем пролетария в темном комбинезоне, резиновых ботах и маске сварщика.

За ним вошел второй такой же.

Никаких мечей у них не было, работяги тянули кабель, что успокоило даже охранника. Кабель идеологически правильно сочетался с борьбой за победу на электроэнергетическом фронте.

А тот факт, что это вовсе не кабель, а трос, внимания обществу не привлек.

– Кому зрение дорого, закрывайте глазки, чтобы не ослепнуть, – насмешливо посоветовал первый электрификатор.

Все послушно зажмурились, и получились такие «прят-

ки наоборот»: толпа незрячих застыла, ожидая сигнала прозреть, а работяги завозились, стуча, шурша и брякая.

И тут вдруг до Розы дошло: сейчас будет ослепительный свет, то есть вспышка, то есть – мощный электрический разряд, правильно?

А она вся мокрая!

Ой-ой-ой, да ее же насмерть убьет током!

В виду кошмарности такой перспективы ее реальную вероятность Роза Салаватовна не оценивала. К тому же физику дочь казахско-украинских подданных знала примерно так же, как китайскую грамоту. Однако Розе настолько не хотелось сменить мокрые тапки на белые, что она рискнула распахнуть глаза, вмиг оценила расстояние до ближайшего деревянного предмета мебели – метров десять, далеко! – и тут же вспомнила, что отличную изоляцию обеспечивает резиновая обувь.

План спасения от электрического разряда сформировался мгновенно и был приведен в исполнение моментально. Роза без долгих раздумий с короткого разбега запрыгнула на работягу в резиновых ботах, повиснув у него на спине на манер живого плаща.

Пожалуй, не стоило делать это без предупреждения, ведь даже отважные бойцы электроэнергетического фронта пугаются, когда им на спину в бестрепетной манере охотящегося тигра сигают незнакомые девушки!

У Розы, правда, мелькнула было мысль должным образом

представиться электрику («Я Роза, полностью Розетка!»), но она от нее отказалась, и много позже парень в ботах признался, что принял кенгуриный прыжок незнакомой девушки за нападение вооруженного охранника.

Это, конечно, объясняет, почему он задержался, раскачивая Розу, как маятник, и очень скоро сбросил ее на пол. Нет, даже хуже, чем на пол – на бедолагу Нострадамуса Второго, некстати заклиненного приступом пошлого радикулита.

Тем временем второй работяга в ускоренном темпе объявлял банкомат по воображаемой талии тросом и крикнул:

– Пошел!

Самым первым пошел, как ни странно, банкомат. Он очень резво пошел, буквально с места в карьер, и непосредственно на выход – в дверь. Снес ее с петель, развалил косяк, обрушился на ступеньки и с визгом съехал с них вбок, за пределы видимости из холла, оставив после себя кривую канавку.

Вторым и третьим пошли самозванные электрификаторы, четвертым – охранник, и только пятой – непрофессиональная прыгунья и бегунья Курдынбабаева.

В принципе, для спонтанного забега это был очень неплохой результат – все-таки Роза попала в пятерку.

Куда Розе совсем не хотелось попасть, так это в кутузку!

Поэтому сразу за выломанной дверью, на полуразрушенном крыльце нагло и дерзко ограбленного банка, она резко повернула и побежала в направлении, диаметрально проти-

воположном тому, в котором удалились стартовавшие раньше.

Трое в балаклавах проиграли бегунье Курдынбабаевой считанные секунды.

Лев Антонович Батюшкин еще крючился на затоптанном пяточке у лифта кособокой буквой «Г», клерки за стойками и клиенты на банкетках не успели разлепить ресницы, обезглавленная змейка очереди у украденного банкомата едва начала загибаться вопросительным знаком, а гоп-компания в разноцветных шапках-намордниках уже упорхнула.

Первый из троицы на ходу победно размахивал помятой общей тетрадь, и все бежали вприпрыжку, счастливые, как дети.

– Мамочка, смотри, какие клоуны! – обрадовалась маленькая девочка в песочнице.

– Таких клоунов у нас в тюрьму сажают, Олечка, – поморщившись, сказала ей мама.

– Типун вам на язык, мамаша! – услышав это, обиделся замыкающий в оранжевой балаклаве.

Он сначала затормозил, как будто желая продолжить дискуссию, а потом ускорился, настиг второго в цепочке и, задыхаясь от бега, напомнил:

– Лилечка, а не пора ли нам снять головные уборы?

– Ося! Ося! – Лилечка всплеснула руками и тоже ускорилась, как будто приняла эстафету.

– В храм бегут, – уверенно предположила разговорчивая булочница в ларьке, мимо которого трио в балаклавах промчалось со спринтерской скоростью, отчего Лилечкино «Ося, Ося» размазалось в одно певучее «О-о-о...» – К обедне опаздывают, на ходу расппеваются!

– Вот им батюшка Игнатий кадилом-то в цветные мордасы засветит, – мстительно пообещала старушка-покупательница. – Будут знать, как концерты устраивать!

Обе замерли и прислушались, надеясь уловить отголоски ожидаемого концерта с соло отца Игнатия на ударном инструменте типа кадило, но бегуны свернули в захламленный дворик и через несколько минут вернулись на ту же улицу совсем другими людьми.

Они по-прежнему были худосочными хлюпиками в дешевой одежде, но вместо ярких шерстяных морд имели теперь бледные интеллигентные лица.

Добытую в «Бетабанке» общую тетрадь некто Ося схоронил под курткой и придерживал на животе руками, отчего со стороны казалось, будто у него проблема с желудком.

– Питаться надо регулярно, диетыки! – прокричала разговорчивая булочница, не узнав их без балаклав.

– Жрут всякую химию, а потом загибаются, – все с той же злорадно-мстительной интонацией прокомментировала бабуля-покупательница. – Дай-ка мне, Верочка, еще два пирожка с горохом!

Трое без масок скучно протопали мимо прилавка с пи-

рожками, мимо песочницы с девочкой, мимо ее мамыши с тоской на лице и мимо первой в ряду спецмашины на подступах к «Бетабанку». Ввиду пугающего скопления там полиции они попятились и тихо отступили в боковую улочку, откуда на стареньком ишемически задыхающемся троллейбусе перебрались в спальный микрорайон Водников.

И только там, в малогабаритной двушке Лилечки, рассмотрели свою добычу.

– Это и есть его новая книга? – Ося повертел в руках толстую тетрадь в клеенчатом переплете.

– Это рукопись, Осенька, – мягко сказала Лилечка. – Когда ее напечатают, тогда будет книжка.

– Никогда ее не напечатают! – радостно осклабился их третий товарищ.

У него была непропорциональная грушевидная голова: крутой лоб, впалые щеки и узкий подбородок. Сходство с электрической лампочкой усиливала сияющая лысина.

– Ну почему же, Петя, почему же, возможно, в отдаленном будущем все-таки напечатают, – не согласился с ним Ося. – В самом деле, нехорошо будет, если этот труд совсем погибнет для истории.

– Ах, Ося! Поживешь с мое – узнаешь, что некоторым трудам лучше было бы никогда не выходить на свет божий, – вздохнул Петя, с намеком похлопав себя по лысине.

Он отчетливо ассоциировал ее с богатым жизненным опытом, которого Ося пока еще не приобрел.

У Оси лысины не было, имелась пока только маленькая розовая плешь, совершенно несерьезная и даже смешная. Ося плещи стеснялся и маскировал ее головными уборами, которых в его распоряжении было очень много: Ося работал костюмером в муниципальном театре. Балаклавами себя и товарищей, кстати, обеспечил именно он.

– Мальчики, мальчики! Не надо ссориться! – попросила Лилечка.

Ей было крепко за пятьдесят, и читатели библиотеки, в которой она похоронила лучшие годы своей жизни, называли ее Лильвасильной. Лилечкой она была для друзей и боевых товарищей, соратников по борьбе с тоталитарным режимом, который довел некогда великую страну до такого состояния. До какого именно, лучше всех рассказывал желчный Петя. После того как НИИ, в котором он проектировал гидротехнические сооружения, разогнали, Петя торговал на блошином рынке книгами и отточил мастерство вольнодумного оратора до совершенства. Времени для культурного роста у него было много – НИИ закрылся еще в начале девяностых.

Они устроились за кухонным столом. Хозяйка дома Лилечка заварила дешевый пакетиковый чай и насыпала в вазочку твердокаменных сушек. Петя автоматически погладил вставную челюсть и досадливо сказал:

– Все же я считаю, что эту рукопись надо сжечь.

– Как?! – ужаснулась библиотечарша.

– Как, не читая?! – возмутился любопытный Ося. – Но нам же надо изучить этот труд и убедиться, что мы были правы!

– Это да, – согласился с ним Петя. – Ну, давайте изучать. Ося молча передал тетрадь Лиличке. Она раскрыла ее, разгладила страницы, сделала вдохновенное лицо и с выражением прочитала:

– Хидрый большой серый волк придуривал в чучело у ретизов и хотел поймать милых зайцов!

Ося шумно поперхнулся чаем.

– Бог мой, какая профанация! – подкатив глаза, вздохнул Петя, как будто даже не удивленный. – Лев Батюшкин – бездарь. Он даже не дал себе труд зарифмовать предсказания!

– Ни рифмы, ни ритма, ни грамотной русской речи, – подтвердила Лилечка и с брезгливой гримасой на лице дочитала абзац до конца: – Ряд милых зайцов тянули с мамой и не ожидали с волком. Мама боролась за защиту детей. После поймки маленький заяц волку пел, танцевал, играл гитар. Волк забыл первоначальную задачу, мама и ребята били волка, он головокружил и был вязан веревкой.

– Послушайте! Какие зайцы и волки, при чем тут весь этот мир животных?! – заволновался простодушный Ося. – Батюшкин ведь обещал назвать в своей новой книге наиболее значимые события двадцать первого века! И мы-то ведь ожидали, что он предскажет – что? Грядущую революцию, народный бунт и падение кровавого режима, который душит

нас в тисках и все такое! Мы ведь для чего украли эту рукопись предсказателя?

– Чтобы кровавый режим не узнал заранее про грядущую революцию, народный бунт, свое падение и все такое, – ответил Петя и скучно зевнул. – Но, Осенька, с чего же ты взял, что Батюшкин предскажет все это прямым текстом? Так даже настоящий Нострадамус никогда не делал. Вот, помню, в катрене восемь-четыре он говорит: «В Монехе будет принят Петух, появится Кардинал Франции. Римлянин будет обманут Логарионом. Станет слабым Орел и сильным Петух». А? Тоже вроде мир животных, не правда ли? При этом под орлом подразумевается Древний Рим, а под петухом – Галлия.

– В самом деле, Осенька, это же классический эзопов язык, – вмешалась добрая Лилечка. – Вот, посмотри: «ряд милых зайцев» – это, по-твоему, кто? Понятно же, что это сплоченные шеренги революционеров! Маленьких, тихих, простых людей, которые жили бы мирно и спокойно, если бы не злой Волк.

– Который придурился чучелом! – азартно подхватил Петя. – Ха! Хочешь, я назову тебе фамилию этого Волка? Да ты ее знаешь, вся страна ее знает. Придуривается, что он добрый и заботливый отец нации, а сам – натуральное чучело!

– А Мама тогда кто? – заинтересовался Ося. – Родина-мать? Раз эти зайцы – ее дети?

– Возможно, – согласилась Лилечка. – Хотя, строго гово-

ря, волки ведь тоже на нашей общей земле родились. Поэтому не исключено, что Мама, которая борется за своих детей, это какой-то реальный человек – вождь заячьей революции.

– Значит, в бой нас поведет женщина! – прошептал доверчивый Ося. – Вот это действительно важная информация! Узнав о Маме, кровавый режим мог бы заранее выкосить в рядах оппозиции потенциальных лидеров женского пола!

– А мы их всех спасли, и теперь все будет хорошо, – режумировал Петя. – Согласно предсказанию, Волк откажется от мысли сожрать зайцев, будет бит и связан по рукам и ногам...

– Новыми демократическими законами, – с удовольствием договорила за него Лилечка.

Она всплеснула руками и с материнской нежностью посмотрела на соратников:

– Какие же мы с вами все-таки молоцы, мои зайчики!

– А давайте еще почитаем? – блеснул глазами Ося. – Так интересно узнать, какое будущее у нашей страны!

Так и вышло, что ни в этот день, ни после увлекательную рукопись они не сожгли.

А в это время Зяме было скучно.

Лизонька, угадай она Зямино настроение, была бы оскорблена в лучших чувствах, поэтому он старательно делал заинтересованный вид, а позевать уходил в укромный угол. Слава богу, таких углов в просторном зале, декориро-

ванном под восточный шатер, было немало – Зяма как чувствовал, что они ему понадобятся, когда придумывал дизайн помещения.

– Казимир, вы обязательно должны быть на нашем маленьком празднике, – сказала ему накануне Лизонька голосом столь же мягким и крепким, как свинцовый кастет под уютной шерстяной варежкой. – Это семейное торжество, будут только свои, а с вами я уже почти сроднилась, так что отказа не приму, даже не думайте.

– Не буду думать, – пообещал Зяма, потому как о чем тут было думать, в самом-то деле?

Капризная красавица явно не удовольствовалась тем, что заполучила знаменитого Казимира Кузнецова как дизайнера, и собиралась протестировать его как любовника.

Нельзя сказать, что Зяма был против. Он горячо любил всех красивых женщин без исключения, а Лизонька была весьма и весьма хороша – и от природы, и благодаря усилиям косметологов, пластиков, стилистов, визажистов, массажистов, портных, сапожников, щедро оплаченных деньгами супруга-банкира.

Да, Лизонька была замужней дамой, и «маленький праздник» на сто пятьдесят персон как раз был посвящен десятилетнему юбилею счастливого супружества.

– Десять лет! – ехидно молвил кто-то в одном из тех укромных углов, где Зяма периодически отдыхал от шума и блеска «скромного семейного торжества». – Иным за убий-

ство меньше дают!

Сияющая Лизонька в роскошном кремовом платье со шлейфом как будто только что выпорхнула из-под венца, зато благоверный ее выглядел изрядно заезженным и время от времени так странно и мучительно поводил шеей, словно хомут семейной жизни натер на ней мозоли.

Зяма поглядывал на Лизонькиного мужа с усмешкой, которую осмотрительно прятал за бокалом.

Максим Горохов был не тем человеком, над которым можно безнаказано потешаться. Сегодня у Горохова имелся прекрасный респектабельный бизнес, но двадцать лет назад он держал оптовый рынок, что означало прямые и тесные связи с бандитами. Такой человек вряд ли согласится на роль супруга-рогоносца и вполне способен по старой привычке разгладить «шашечки» на накачанном прессе героя-любownika раскаленным утюгом. Поэтому Зяме не хотелось, чтобы Горохов догадался о намерении Лизоньки приобщить к коллекции украшающих ее опочивальню дорогих безделушек высокооплачиваемого дизайнера Казимира Кузнецова.

Лизонька, надо отдать ей должное, старательно изображала любящую супругу, не отходя от мужа ни на шаг. Если она не вилась рядом с ним в танце, то кружила вокруг с демонстрацией заботливости, оглаживая по плечам, теребя за рукав, снимая пылинки и целуя в щечки, постепенно наливающиеся свекольной краснотой.

Зяма мог поклясться, что счастливый муж, безжалостно

упакованный в жемчужный смокинг с бутоньеркой в петлице, с легкостью отдал бы содержимое своего пухлого бумажника за возможность сбежать с этих пафосных танцулек куда подальше. Тем не менее Горохов держался на диво стойко и даже почти не прикладывался к бутылке.

В отличие от Лизоньки, которая еще на старте мероприятия махнула пару бокалов шампанского и с тех пор неуклонно набирала скорость.

Если бы не Горохов, грамотно отсекавший благоверной подступы к барной стойке, Лизонька уже не принадлежала бы к виду двуногих прямоходящих.

– Давайте делать ставки, – бесшумно возникнув рядом с Зямой, незаметно наблюдающим за Гороховыми, предложила пышная дама в парчовых доспехах, щедро инкрустированных бриллиантами. – Несмотря на все старания Макса, говорящая кукла Лиза до обеда не доживет. Я думаю, ее унесут еще до горячего. А вы как считаете?

– А я считаю так: один, два, три! – ответил Зяма, замаскировав откровенную грубость обворожительной улыбкой.

Среди присутствующих было немало его клиентов, однако никого из них он не знал настолько близко, чтобы сплетничать об остальных.

– Вы шалунишка! – после секундного замешательства парчовая дама басовито захохотала.

Она сделала попытку повиснуть на Зямином локте, однако он совершил изящный маневр, подсмотренный у матадо-

ра на корриде, и увернулся, в итоге гармонично встроившись третьим-не-лишним в тесную компанию двух выпивающих джентльменов.

– Уодки уыпьешь? – безотлагательно предложил один из них.

– Уи, – согласился Зяма и принял стопку, но не осушил ее. Вообще-то дама в парче была права: несмотря на то что мероприятие началось в формате утренника, и Лизонька, и ее гости стремительно напивались. Еще бы: все спиртное, надо отдать должное хозяину праздника, было высшего класса – право, грех не напиться!

– Не зря говорится, что шампанское по утрам пьют или аристократы, или дегенераты, – пробормотал Казимир Кузнецов, слишком трезвый, чтобы быть отнесенным к одной из названных категорий.

Он все-таки держал в уме реальную возможность слиться в экстазе с прелестной Лизонькой, и потому почти не пил, чтобы не допустить фатального воздействия алкоголя на крепость всех своих членов.

Оглядев толпу, Зяма подумал, что до поедания праздничного торта доживут немногие, а жаль. Чтобы разъять на части многоярусную башню, сотворенную специально привезенным французским кондитером, потребуется много едоков.

Зяма обещал папуле, что расскажет ему про начинку банкирского торта во всех подробностях. Папулю особенно ин-

тересовала нынешняя парижская мода на сложносоставные фруктово-цветочные десерты. Он также потребовал, чтобы Зяма непременно отколупнул для исследования фрагмент глазури с торта, если уж у него не получится принести любимому папе нормальный кусок, пригодный для вдумчивой дегустации.

Но красавец-торт, заранее доставленный в зал на специальной тележке, еще ожидал своего звездного часа.

Тем временем праздничный утренник аристократов и дегенератов шел по программе, рассчитанной явно не на один час. Уже были выпиты приветственные коктейли и состоялся изысканный завтрак, за которым гости посмотрели эпическое кино о первом десятилетии семейной жизни Максима и Лизоньки Гороховых.

Зяма заподозрил, что супруги снимали на видео едва ли не каждый свой шаг, вздох и чих, а приглашенные киношники отнеслись к этому материалу с преувеличенным почтением, сотворив в итоге полуторачасовую сагу, растянувшуюся на четыре перемены блюд. К каждому из них, разумеется, подавалось свое прекрасное вино, тут-то непростой народ и начал массово спиваться.

По мнению Зямы, Гороховы напрасно сэкономили, не позвав в режиссеры своей эпопеи Квентина Тарантино: тот наверняка оправдал бы тайные ожидания публики, прикончив в кадре хотя бы одного из супругов, а лучше обоих. Без Тарантино плазменный экран фонтанировал приторными ро-

зовыми соплями, глотать которые было просто отвратительно. Так и хотелось задушить всех, до кого дотянешься!

А после киносеанса морально подготовленной публике предложили насладиться реалити-шоу: герои фильма живьем вышли на подиум и повторили свои брачные обеты в присутствии умильно улыбающегося мэра. После чего он подставил им красную папку, в которой повторно брачующиеся старательно расписались. Это очень походило на подписание инвестиционного соглашения, но хотя бы не сопровождалось сюсюканьем сладкоголосой дикторши. К этому моменту бразды правления праздником перехватил популярный радиоведущий Коля Бэтмен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.